

В. И. Ермолович

ДОГОВОР ТОВАРИЩЕСТВА В ПРАВЕ ДРЕВНЕГО РИМА И СТРАН СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Предмет исследования – договор товарищества в римском частном праве и праве стран средневековой Европы как консенсуальное соглашение. Проанализирован механизм содержания и правоприменения договора товарищества и возникновения из него обязательственных отношений. Рассмотрен процесс рецепции норм римского частного права в правовые системы средневековых европейских государств.

The subject of research in the article is the contract of company in the roman private law and the law of medieval European countries as the consensual contract. The mechanism of content and enforcement of the contract of company was analyzed as well as emergence of legal relationship liability. The process of roman private law reception into the legal system of medieval European countries was considered.

Ключевые слова: договор товарищества; правовое регулирование; сравнительный анализ; римское частное право; право стран средневековой Европы.

Key words: contract of company; legal regulation; comparative analysis; roman private law; law of medieval European countries.

Договор товарищества в римском частном праве выражен латинским словом *societas*. В праве Древнего Рима оно означало две различные юридические категории: благодаря ему обозначались понятия юридического лица (*universitates personarum*) и объединения, в основе деятельности которых лежал договор, устанавливающий отношения совместной собственности между его членами.

Объединения такого рода были известны римскому частному праву во времена принятия Законов XII таблиц. Данный закон предоставлял членам коллегий (сообществ) право заключать между собой любые соглашения, лишь бы этим они не нарушали какого-нибудь постановления, касающегося общественного порядка [1, с. 13]. Закон этот, по-видимому, был заимствован из законодательства Солона. В этих нормах устанавливались основания возникновения товариществ.

Форма заключения самых ранних товариществ историко-правовой науке не известна. Вместе с тем есть все основания полагать, что содержание взаимоотношений между договорными товарищами регулировалось так же, как и отношения в объединениях (*consortium*), которые принадлежали к числу

объединений неразделенной семейной собственности между *heredes sui*, поэтому договорные товарищества в праве Древнего Рима именовались *societates ad instar fratruum*.

В классическом римском частном праве договор товарищества (*societas*) являлся консенсуальным двусторонним или многосторонним договором и устанавливался согласованным волеизъявлением товарищей (*socii*) создать совместное имущество для определенной деятельности всех членов и разделения между ними дохода, получаемого от этой деятельности. Вступая в товарищество, товарищи, или *socii*, преследовали определенную цель. Согласно поставленной цели товарищества делились на два вида: товарищества по совместному проживанию и совместной деятельности и производственные товарищества. Товарищества по совместному проживанию и деятельности назывались *societas omnium bonorum* и устанавливались, когда товарищи договаривались об общности всего настоящего и будущего имущества и разделения между собой всего, чем они обладали. Об этом свидетельствует фрагмент I титула II книги XVII Дигест Юстиниана: *In societate omnium bonorum omnes res quae coeuntium sunt continuo communicantur* – «При товариществе, объемлющем все имущество, все вещи, вступающие в товарищество, делаются немедленно общими» [2, с. 506].

Товарищества, основанные лишь для совместной деятельности, или деловые товарищества, устанавливались как *societas quaestus*, или как *societas negotiationis*, или *societas unius rei*.

Societas quaestus объединяли часть собственного имущества товарищей для ведения совместной хозяйственной деятельности и получения общих доходов. Об этом гласит фрагмент VIII титула II книги XVII Дигест Юстиниана: *Paulus libro sexton ad Sabinum Quaestus enim intellegitur, qui ex opera cuius descendit* [2, с. 508]. Если стороны не оговорили, какой вид товарищества они основывают, предполагалось, что речь идет о *societas quaestus*.

Societas negotiationis устанавливались, когда товарищи вносили часть своего имущества для занятия определенным видом хозяйственной деятельности и получения общих доходов от этого вида деятельности.

Societas unius rei устанавливались соглашением товарищей о выделении части имущества, необходимого для выполнения точно определенной работы с целью получения от этой работы общих доходов.

Основной обязанностью каждого товарища являлось внесение в товарищество всего имущества, если речь шла о товариществе по совместному проживанию и деятельности (*omnium bonorum*), или определенной его части, если речь шла о других видах товариществ. Вклады товарищей, из которых создавалось имущество товарищества, не всегда должны были быть

материальными. Вкладами могли считаться и некоторые права, даже трудовые способности отдельных товарищей [3, с. 227]. Второй обязанностью каждого товарища было участие в управлении и хозяйственной деятельности товарищества. Эту обязанность товарищи должны были выполнять добросовестно, так как несли ответственность за каждое упущение по *culpa levis in concreto*. Третьей обязанностью каждого товарища было предоставляемые в распоряжение других *socii* всего дохода (*communicatio lucri*), разделяемого согласно договору среди всех членов. В пользу нашего довода свидетельствует и мнение Кассия, изложенное в § II фрагмента XXIX титула II книги XVII Дигест: *Talem coiri non posse, ut alter lucrum tantum, alter damnum sentiret, et hanc societatem leoninam solitum appellare: et nos consentimus talem societatem nullam esse, ut alter lucrum sentiret, alter vero nullum lucrum, sed damnum sentiret: iniquissimum enim genus societatis est, ex qua quis damnum, non etiam lucrum spectet* – «Нельзя образовать такое товарищество, что одному достается вся выгода, а на другого возлагается только ущерб; такое товарищество принято называть “львиным” (данное название заимствовано из басни Эзопа, где лев условился с ослом вместе охотиться, но всю добычу взял себе. – В. Е.). И мы соглашаемся, что ничтожно такое товарищество, в котором одному достается выгода, а на долю другого не приходится никакой выгоды, но лишь ущерб; является несправедливейшим такой вид товарищества, от которого кто-либо ожидает ущерб, а не выгоду» [2, с. 516]. И весьма логично, что согласно договору каждый из товарищей был обязан принимать участие в возмещении убытков, понесенных товариществом (*communicatio damni*).

Следовательно, права товарищей были коррелятивны их обязанностям: каждый товарищ имел право требовать от других внесения в товарищество договорного имущества, участия в управлении и хозяйственной деятельности товарищества, внесения доходов и возмещения убытков товарищества. Из этого следует, что каждый товарищ был правомочен заботиться о правильном исполнении договора товарищества, т. е. требовать от всех товарищей добросовестного исполнения своих обязанностей для достижения цели товарищества: разделения полученного дохода в соответствии с положениями, закрепленными в договоре.

Наиболее детально договор товарищества был развит в средневековом праве Восточноримской империи, Италии и Сербии. Имеющиеся в нашем распоряжении исторические и юридические источники позволяют сделать вывод, что хозяйственная деятельность в средневековых славянских государствах развивалась на основе корпоративных отношений. Важным элементом ее правовой основы являлся также договор товарищества. Например, в сербском средневековом праве регламентация данного вида договора ба-

зировалась на реципированных нормах римского частного права. Так, содержание постановления ст. 1 титула XI восточноримской «Эклоги» было реципировано в нормы ст. 1 титула XII славянской «Эклоги», которая содержит в себе механизм реализации договора товарищества, характерного для правоприменения в средневековой Сербии и Болгарии. В свою очередь известное нам постановление «Эклоги» базировалось на нормах классического римского права, которые были впервые изложены в титуле II «Об иске, вытекающем из товарищества» (*Pro socio*) книги XVII Дигест Юстиниана (530 г. н. э.) издания. Данный договор представлял собой простое соглашение сторон, не требовавшее особых формальных условий. По своему содержанию он имеет сходство с договором купли-продажи, найма, поручения. Существенной чертой договора о товариществе является наличие общности имущества. Договор о товариществе требовал от всех его участников добросовестного исполнения взятых на себя обязательств по договору. Данный договор мог заключаться пожизненно или быть ограниченным определенным сроком.

В «Эклоге», как и в законодательстве императора Юстиниана, для реализации процедуры образования товарищества требовалось письменное или устное согласие между двумя или более лицами. Согласно нормам «Эклоги» участие в товариществе не требовало обязательного равенства вносимых вкладов в общее дело: допускалось учреждение товарищества и тогда, когда доли соучредителей не были равными или когда кто-либо вносил вклад, другие же – свои силы и труд [4, с. 139].

Наиболее типичным примером реализации договора товарищества в средневековой Сербии была сфера торговой деятельности. Купец, отправлявшийся в торговую экспедицию, предварительно объединял свои усилия с другим лицом, от которого получал денежный или товарный взнос. Так рождалась основная ячейка торговой деятельности, именуемая в документах того времени компанией или товариществом, которое могло выступать в форме «коллеганца», если вклад в компанию одной из сторон договора осуществлялся путем кредитования, т. е. был выражен в деньгах. Товарищество могло именоваться «роганцей», когда одна из сторон договора вносила товарный взнос в реализуемое предприятие. Но в обоих случаях одна из сторон договора выступала в роли исполнителя торгового поручения («трактатора»), а другая – кредитора. Реальную практику создания подобных компаний позволяют представить нотариальные акты XIII–XIV вв. из городов Дубровника, Котора, Трогира и Задара. Наиболее типичными для средневековой Сербии являются Трогирские торговые компании. Они были немногочисленными по составу, два-три участника; размер вкладов в большинстве своем был невелик, чаще всего от 23 до 120 лир, инвестиции свыше 1 тыс. лир почти

не встречаются. Представители городского нобилитета обычно выступали в роли кредиторов и вносили большие суммы, в среднем 838 лир, в то время как взносы непривилегированных горожан не превышали 116 лир [5, с. 188].

Размер денежных вкладов в торговые компании г. Задаре был значительно меньшим, чем в городах Дубровнике и Трогире. В среднем они составляли от 10 до 50 лир. Крупные суммы встречаются крайне редко. Данное явление можно объяснить тем, что исполнителями непосредственных торговых операций в рамках договора товарищества в г. Задаре часто выступали не профессиональные купцы, а пожелавшие улучшить свое материальное положение ремесленники или моряки.

Значительный интерес для нас представляет практика раздела прибыли между членами товариществ подобного рода. В средневековой Сербии норма раздела прибыли была следующей: 33 %, или одну треть, получал кредитор и 66 % – купец-исполнитель, который ничего, кроме своего труда, не вносил в данное предприятие [6, с. 308]. Для сравнения: в аналогичных итальянских компаниях XII–XIV вв. был заведен следующий порядок раздела полученной прибыли: кредитор получал львиную долю прибыли – 75 %, а купец-исполнитель только 25 % от полученной прибыли [6, с. 309]. Отличие весьма существенное, особенно если учесть, что оно практиковалось повсеместно на восточном побережье Адриатики. Вероятнее всего, что сербские купцы-исполнители в отличие от итальянских должны были за свой счет набирать и оплачивать экипажи своих кораблей. Именно этот факт дает нам объяснение тенденции роста числа торговых товариществ в средневековых городах Сербии и всего западного побережья Балканского полуострова, где не только состоятельные купцы, нобели и судовладельцы, но и рядовые горожане, ремесленники, матросы и рыбаки, скопив несколько дукатов, стремились найти способ вложить их в организацию торговых экспедиций.

Ликвидация товарищества происходила либо вследствие единогласного решения об этом всех членов товарищества, либо в результате одностороннего заявления о выходе из товарищества одного из его соучредителей. Оно могло быть ликвидировано и в случае смерти одного из соучредителей, если не было установлено заранее, что выбытие того или иного лица не разрушает товарищества. Выбывший был обязан возместить убыток, причиненный его выходом из товарищества. В случае если имелись ранее начатые общие дела, он продолжал отвечать вместе с остальными членами товарищества за возможные убытки в данном предприятии, хотя и лишался права на участие в возможной прибыли.

Ликвидация товарищества, организованного с определенной целью, могла происходить и вследствие достижения этой цели или если выяснялась

невозможность ее достижения, или же, наконец, вследствие исчерпания средств. Товарищество могло быть ликвидировано и в результате возбуждения судебного иска одного из соучредителей против остальных соучредителей.

В средневековой Беларуси, которая являлась государственно-образующей территорией Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского, наиболее часто данный вид договора находил свое правоприменение в сфере организации торговли. Регламентация договора товарищества в праве средневековой Беларуси, как и в праве других восточнославянских государств, в значительной степени базировалась на правовом обычае местного славянского населения. При этом мы не отрицаем факта влияния римского частного права. Об этом свидетельствует анализ источников средневекового права Беларуси, России и Украины: Русской Правды и Псковской Судной грамоты. Так, статьи 48, 54 и 55 Пространной редакции Русской Правды регламентируют деятельность купеческого товарищества: торговлю в складчину, реализацию механизма взыскания доли своего вклада в уставной фонд товарищества и размер причитающейся прибыли [7, с. 67, 68, 100, 102, 103]. Статья 92 Псковской Судной грамоты регламентирует порядок разрешения споров между членами товарищества в процессе его ликвидации [7, с. 340, 377].

Таким образом, для населения средневековой Сербии и Беларуси в XII–XV вв. понятие юридического лица уже было доступно для понимания, более того, определенная часть экономически активного населения изучаемых нами стран принимала непосредственное участие в его создании и последующем функционировании. Данный процесс осуществлялся путем практической реализации договора товарищества. При этом следует признать, что указанному процессу в определенной степени способствовала рецепция норм римского права в юридические источники вышеуказанных стран. Например, византийский «Номоканон» (сборник правил церковных соборов IV–VII вв., правил епископов и установлений о церкви императоров Восточноримской империи) был основным источником церковного и гражданского права Восточноримской империи, Болгарии и Сербии XI–XII вв., а также являлся вспомогательным источником права на территории средневековой Беларуси и Русского государства XIV–XVI вв. В пользу нашего довода свидетельствует русская редакция «Номоканона», получившая название «Ефремовская Кормчая».

В 1219 г. глава сербской православной церкви, епископ, ставший известным в истории под именем святого Саввы, и его родной брат, король Сербии Стефан Первовенчаный, подготовили сербскую отечественную редакцию «Номоканона» на старославянском языке. Этот свод церковного и светского права в славянском мире часто называют «Кормчая книга». Начиная с XIII в. сербская редакция «Кормчей книги», или «Номоканона»,

получила широкую популярность в вопросе правоприменения как источник церковного и светского (гражданского) права в восточнославянских землях. Только в архивах современной России находится на хранении свыше 30 списков сербской редакции «Номоканона», которые датированы XIII–XVI вв. Так, в Дечанском списке сербского «Номоканона», который имел хождение на Руси с конца XIII в., установлены фрагменты текстов «Эклоги». Этот факт получил известность благодаря трудам русского ученого, доктора исторических наук Я. Н. Щапова в 70-е гг. прошлого века [8, с. 132].

Нами выявлены и исследованы два списка «Кормчей книги» (Жировичский и Пинский), которые имели хождение на территории средневековой Беларуси. В содержании проанализированных источников в идентичном порядке и объеме изложены фрагменты из законодательства императора Юстиниана, «Эклоги» и «Прохирона» [9, с. 240а–316б; 10, с. 240а–250а, 268а–328б]. Следовательно, «Эклога» в средневековой Беларуси, так же как и в Сербии, была достаточно известным источником права, поэтому у нас не вызывает удивления тот факт, что нормы римского частного права, содержащиеся в «Эклоге», достаточно часто применялись при практической реализации договора товарищества на территории Беларуси в XIII – первой половине XVI в. Об этом свидетельствует письменное распоряжение великого князя литовского Сигизмунда, сделанное 24 января 1509 г. в пользу товарищества брестских собирателей воска, которое гласит следующее: «Чиним знаменито сим н(а)-шимъ листом, штож восковничие берестеиские Данко и Михел Рябичкович и зъ своими товариши держали коморы Берестеиские восковую и соляную два годы без мала почон от Громниц, которое с(вя)то было инъдикта десятого, до Трех Кролевъ, которое св(я)то инъдикта второго-на-десять (2.02.1507 по 6.01.1509 гг.), и положили нам на личбе, иж в тые два годы собрали з восковое коморы тысячу копь и дванадцать копь и пятнадцать гр(о)шей, с тыми воски, што сам Михел вывез за границу осмъсотъ каменеи и одиннадцать каменеи.

А зъ соляное коморы собрали пятсотъ копь и девятнадцать копь гр(о)-шей. А што Михел брал п(е)н(е)зи з восковых и зъ соляных комор, з Луцкое и зъ Берестеиское, и зъ Володимерское, и он со всего с того нам личбу выдал сполна. А особъно в Дорогичине Михел взял тридцать копь и пять копь грошей и то намъ на личбе положил. И звышь того остали ещо имъ вини, што выдали на н(а)шы потреби, сорокъ копь и пять копь без осми гр(о)шей, и они то мають себе vybrати з восковое и соляное коморы Берестеиское.

И на то есмо им дали сесь н(а)шь лист з нашою печатю.

П(и)сан у Вилни, ген(варя) 24 день, инъдикт 12» [11, с. 152].

Процитированный выше документ позволяет сделать вывод, что договор товарищества в средневековой Беларуси трактовался как соглашение, в силу

которого каждый из членов товарищества вносил что-либо для достижения определенной цели хозяйственного характера. Вкладом, который вносили члены товарищества, могли быть деньги, вещи, а также труд участников сообщества. Следовательно, бывали уже в те времена случаи, когда одни члены товарищества вносили свое имущество, а другие – свое умение и труд. Все члены товарищества имели право участвовать в распределении прибыли, которое происходило в соответствии с условиями договора. Аналогичным способом происходило и распределение убытков. Таким образом, содержание договора товарищества в средневековой Беларуси и Сербии тождественно. В его основе лежат нормы римского частного права.

Крайне мало дошло до нас сведений о правоприменении договора товарищества в праве средневековой Польши. О наличии данного института в польском средневековом праве XV–XVI вв. указывается в классическом труде «История государства и права Польши», авторами которого являются профессор юридического факультета Варшавского университета Ю. Бардах, Б. Леснодорский, М. Пиетрчак [12, с. 252]. Вместе с тем не менее авторитетный польский исследователь С. Плаза утверждает, что договор товарищества в праве Польши появился не ранее XVIII в., что нашло свое отражение в Своде законов о суде 1778 г. [13, с. 227].

С аналогичной ситуацией в отношении договора товарищества мы сталкиваемся и в праве средневековой Чехии, где, по существу, нет материала о наличии и правоприменении договора товарищества. Однако эффективное развитие хозяйственной деятельности в средневековой Чехии не позволяет принять данную точку зрения как реальность. И действительно, в средневековом праве Чехии мы сталкиваемся с отечественным аналогом данного юридического лица, известного как институт «недила» (*nedil*), сущность которого в чешском праве сводилась к следующему: разные люди (как находящиеся, так и не находящиеся между собой в родственных отношениях) могли вступать в «недил» или в «общность» владения имуществом. Члены одного «недила» назывались «общинниками» (*společníci*). В статье 77 «Рожмберской книги» данная общность рассматривается как одно юридическое лицо [14, с. 51].

Российский исследователь Г. Э. Санчук на основе анализа чешских земских книг пришел к выводу, что такие общинники являлись сонаследниками. Эта «неразделенность», «общность», или *nedil*, называется в земских книгах также термином *unio* или *spolec*. Главным признаком «недила» являлись общность доходов и расходов, хотя лица могли жить в разных местах [15, с. 61]. В данном случае точка зрения Г. Э. Санчука не противоречит и современному взгляду чешских историков права на данный юридический феномен [16, с. 369].

Для сравнения: в странах Западной Европы в рассматриваемый исторический период также наблюдается процесс правоприменения договора

товарищества. Например, правоприменение договора товарищества в средневековой Германии большинство отечественных и зарубежных исследователей связывают с событиями конца XV в., когда в 1495 г. Дигесты Юстиниана были признаны руководящим источником права для Высшего имперского суда (*Reichskammergericht*) [17, с. 30]. Именно тогда римское (пандектное) частное право получило статус имперского закона и начало применяться на территории Германской империи в качестве «общего права» до принятия Германского гражданского уложения 1896 г. Однако автор данной статьи склонен придерживаться несколько иной точки зрения и считает, что основные нормы договора товарищества в редакции римского частного права начинают применяться Германией не с конца XV в., а с XIII в. Данная точка зрения основана на том историческом факте, что с середины XIII в. в сфере торговли Германской империи начинают активно применяться нормы из «Книги обычаев г. Милана», принятой в 1216 г. Договор товарищества в указанном источнике права трактовался на основе норм римского частного права. Особенно активно применялся данный источник права в городах Ганзейского союза.

Официальное правоприменение договора товарищества на основе норм римского частного права в праве Франции начинается в XVII в. Так, в 1673 г. во Франции с учетом международной торговой практики был издан Королевский ордонанс о торговле, известный по имени его составителя как Кодекс Савари, а в 1681 г. – ордонанс о морской торговле [18, с. 677]. В этих актах определялся правовой статус купцов и порядок образования торговых товариществ, другие институты международной морской торговли, такие как вексель, банкротство, страхование. Однако исторические факты свидетельствуют, что на практике договор товарищества в интерпретации римского частного права начал действовать на территории Франции на много столетий ранее, чем был официально признан властями страны составной частью гражданско-правовой системы французского государства. Первое упоминание о правоприменении договора товарищества в средневековом французском праве относится к XI в. [18, с. 272].

В английском средневековом праве (XV–XVI вв.) была заложена основа современной трактовки договора товарищества в англосаксонской правовой системе. Формирование механизма договора товарищества и его реализации происходило в рамках прецедентного права. Об этом свидетельствуют нормы Свода английского гражданского права, который является образцом частной кодификации права. Он был составлен профессором права Лондонского университета Э. Дженксом. В основу данного сборника были положены нормы обычного права, выработанные на основе судебных решений, поэтому договор товарищества в английском праве отличается чертами самобытности, хотя и не

противоречит основным канонам римского частного права, на формировании которого также ощущалось значительное влияние судебной практики посредством эдиктов магистратов.

Договор товарищества в английском праве еще с XIV в. рассматривается как отношение, существующее между лицами, совместно ведущими предприятие с целью получения прибыли. При этом выражение «предприятие» (*business*) охватывает всякую торговлю, занятие или профессию [19, с. 178]. Следует иметь в виду, что начиная с XII в. в английском праве нет правил, которые препятствовали бы любому числу лиц соединить свои физические, умственные и материальные возможности для достижения общей законной цели, за исключением правила, по которому для ведения банковского дела допускается соединение не менее десяти лиц, а для занятия каким-либо другим промыслом, имеющим целью получение прибыли, – соединение усилий не более двадцати лиц [19, с. 20].

При этом данное ограничение не затрагивает интересы ассоциаций, возникших на основании закона или королевского приказа. Данная тенденция сохраняется до настоящего времени. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Древнем Риме, когда по Законам XII таблиц допускалась почти полная свобода образования коллегий, ассоциаций и товариществ. Члены подобного рода объединений были вольны принять для своей деятельности любое положение (устав), если в нем не было ничего нарушающего публичные законы. Фрагмент IV титула XXII книги VIII Дигест Юстиниана по данному поводу гласит следующее: *His autem potestatem facit lex pactionem quam velint sibi ferre, dum ne quid ex publica lege corrumpant* – «Закон предоставляет им власть устанавливать для себя любое соглашение, какое им угодно, только бы они не нарушали какое-либо (положение) государственного закона» [20, с. 548].

Договором товарищества в средневековом английском праве, как и в римском частном праве, создавалась имущественная общность. Достаточно ознакомиться с § 629 главы I раздела VIII Свода английского гражданского права, который гласит: «Всякое имущество, а также права и выгоды по имуществу, первоначально внесенные в товарищеский капитал, или приобретенные путем покупки или иным образом за счет фирмы или для целей и в порядке ведения дел товарищества (“имущество товарищества” – *partnership property*), должны храниться и употребляться товарищами лишь для целей товарищества, в соответствии с товарищеским соглашением» [19, с. 185]. Из вышеуказанной нормы следует, что общность имущества в английском средневековом и современном праве, как и в римском частном праве, могла быть установлена по договору в самых разнообразных размерах и формах. Участники договора товарищества могли установить общность всего имущества. В таком случае

могло образоваться право общей собственности всех лиц, участвующих в товариществе, на все их имущество, притом не только на имеющееся при заключении договора, но и на все последующие приобретения, в том числе *ex fortuna* (не исключая случайных).

При этом допускалась возможность ограниченной общности имущества. Например, участники договора могли сделать свои вклады на общее дело – деньгами или другими ценностями и даже путем предоставления услуг. Равенство вкладов не являлось необходимым, но при отсутствии в договоре специальных оговорок оно предполагалось.

Факт существования товарищества как в средневековом, так и в современном английском праве зависит от совокупности обстоятельств дела и выраженной воли сторон участников соглашения. При этом § 601 главы I раздела VIII Свода английского гражданского права гласит: «Получение каким-либо лицом доли в прибылях предприятия есть *prima facie* доказательство, что это лицо есть товарищ в предприятии...» [19, с. 179].

В средневековом английском праве, как и в римском частном праве, существенной чертой в содержании договора товарищества являлось участие товарищей в получении прибылей и убытков. Так, § 616 главы I раздела VIII Свода английского гражданского права свидетельствует, что «каждый член товарищества совместно с другими товарищами несет ответственность по долгам и обязательствам в то время, когда он состоял ее членом; после смерти товарища его наследство в должном порядке... несет раздельную ответственность по таким долгам и обязательствам, поскольку они остались непогашенными, с тем, однако, что прежде уплачиваются личные долги товарища» [19, с. 182].

В XV–XVI вв. в английском праве сформировалась норма о полномочиях товарища общества, которая до настоящего времени не претерпела существенных изменений. Например, § 611 главы I раздела VIII Свода английского гражданского права гласит: «Каждый товарищ является агентом фирмы и остальных ее членов в делах, касающихся предприятия товарищества. Действие товарища, совершенное по делам, обычно относящимся к роду дел данной фирмы, создает обязательства для последней и для ее членов, разве бы товарищ, совершающий это действие на самом деле, не имел права действовать от имени фирмы в данном конкретном деле и лицо, с которым он совершил сделку, знало об отсутствии у него полномочий либо не знало или не считало, что он является членом товарищества» [19, с. 181].

С XV в. английское право знает норму взаимных прав товарищей в отношении друг друга, которая до настоящего времени не претерпела серьезных изменений. Свод английского гражданского права (§ 636 главы I раздела VIII)

гласит: «Права товарищей на имущество товарищества и их права и обязанности в отношении товарищества определяются следующими правилами, поскольку прямое или подразумеваемое соглашение между товарищами не устанавливает иного:

1. Все товарищи участвуют в равных долях как в капитале и доходах предприятия, так и в убытках фирмы, затрагивающих капитал или иную часть имущества.

2. Фирма обязана возместить расходы каждого товарища, вытекающие из совершенных им платежей и принятых на себя лично обязательств, когда таковые (платежи или принятые на себя обязательства) имели место...

3. Товарищ до установления прибыли не имеет права на доход от внесенной им доли капитала.

4. Каждый товарищ имеет право на участие в управлении делами товарищества...» [19, с. 187].

Здесь действуют те же принципы, что и в римском частном праве:

1. Каждый товарищ должен был внести для общего дела установленный вклад.

2. Риск случайных потерь и убытков, наступающих при ведении товарищеского дела, также несли все товарищи совместно.

3. Каждый из товарищей был обязан получаемые при ведении общего дела денежные суммы, вещи и т. п. не присваивать себе, а относить (в соответствии с договором) на общий счет для распределения между всеми товарищами [20, с. 200–201].

Таким образом, основные черты договора товарищества в английском праве совпадают с нормами римского частного права и нормами права средневековых стран, относящихся к романо-германской правовой системе. Эти черты можно определить следующим образом. Договор товарищества – это договор, по которому двое или несколько лиц объединяются для осуществления общей хозяйственной цели, участвуя в общем деле имущественным вкладом, или посредством личной деятельности, или сочетанием имущественного взноса с личными услугами, с тем что прибыль и убытки от ведения общего дела распределяются между всеми товарищами в предусмотренных долях, а при отсутствии в договоре указаний – поровну.

Проведенный в данном исследовании анализ правового материала свидетельствует о том, что договор товарищества в средневековом праве стран Европы как романо-германской, так и англосаксонской правовых систем обладал основными чертами, которые были характерны для римского частного права. Договор товарищества в праве средневековых стран Европы, как и договор товарищества в римском частном праве, являлся консенсуальным

двусторонним или многосторонним договором и устанавливался согласованным волеизъявлением участников договора (*socii*) создать совместное имущество для определенной деятельности всех членов и разделения между ними дохода, получаемого от этой деятельности. Члены товарищества были наделены многочисленными взаимными правами и обязанностями.

Основной обязанностью каждого товарища являлось внесение в товарищество всего имущества или определенной его части. Вклады товарищей, из которых создавалось имущество товариществ, не всегда должны были быть материальными. Вкладами могли считаться и некоторые права, даже трудовые способности отдельных товарищей. Следующей обязанностью каждого товарища было участие в управлении и хозяйственной деятельности товарищества. Кроме того, обязанностью каждого товарища было предоставлять в распоряжение других *socii* всего дохода сообщества и разделять его согласно договору среди всех членов товарищества, а также разделять бремя убытков товарищества (*communicatio damni*) согласно условиям договора.

Права товарищей в римском частном праве были коррелятивны их обязанностям: каждый товарищ имел право требовать от других внесения в товарищество договорного имущества, участия в управлении и хозяйственной деятельности товарищества, внесения доходов и возмещения убытков товарищества. Иными словами, каждый участник соглашения о товариществе был правомочен заботиться об исполнении договора товарищества, т. е. требовать от всех участников соглашения выполнения обязанностей, отвечающих задачам товарищества: получение дохода и его разделение согласно условию договора.

Библиографические ссылки

1. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М. : Зерцало, 1997.
2. Дигесты Юстиниана : в 7 т. : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2002–2005. Т. 3 : Книги XII–XIX. 2003.
3. Гай. Институции / пер. с лат. Ф. Дадынского ; под ред. В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова. М. : Юрист, 1997.
4. Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Лившиц. М. : Наука, 1965.
5. *Фрейденберг М. М.* Деревня и городская жизнь в Далмации XIII–XV вв. Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1972.
6. *Ермолович В. И.* Договор товарищества в средневековом сербском и белорусском праве (XII–XV вв.) // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксце : зб. навук. прац, прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І. А. Юхо / рэдкал. : С. А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2012. С. 307–312.

7. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984–1994. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. 1984.

8. *Щанов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М. : Наука, 1978.

9. Белорусская «Кормчая книга». Жировичский список 1609 г. / Библиотека Литовской акад. наук. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. № 243.

10. Белорусская «Кормчая книга». Пинский список 1634 г. / Библиотека Литовской акад. наук. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. № 242.

11. Lietuvos Metrika. Kn. 8. Vilnius, 1995.

12. *Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M.* Historia ustroju i prawa polskiego. Wydanie piąte. Warszawa : Wydawnictwo prawnicze Lexis Nexis, 2003.

13. *Plaza S.* Historia prawa w Polsce na tle porównawczym. Wydanie II poprawione. Kraków : Księgarnia Akademicka, 2002. Cz. I.

14. Rozličné dopisy pana Oldřicha z Rosenberka od r. 1420 do 1453 // Archiv Český čili stare písemné památky české i moravské. Díl III. Praha : Sebral a vydal F. Palacký, 1844. S. 3–64.

15. *Санчук Г. Э.* Положение феодалов и крестьян по Законнику чешского короля Карла I // Источники и историография славянского средневековья : сб. ст. и материалов. М. : Наука, 1967. С. 57–72.

16. *Bilý J. L.* Právní dějiny na území České Republiky. Praha : Linde Praha, 2003.

17. *Эннекцерус Л., Кунт Т., Вольф М.* Курс германского гражданского права. М. : Изд-во иностр. лит., 1949. Т. 1, полутом 1.

18. *Rigaudière A.* Histoire du droit et des institutions dans la France médiévale et modern. 4-e ed. Paris : Economica, 2010.

19. Свод английского гражданского права / сост. проф. Э. Дженксом ; пер., предисл. и замеч. Л. А. Лунца. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.

20. Дигесты Юстиниана : в 7 т. : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2002–2005. Т. VII, полутом 1: Книги XXXXV–XXXVII. 2005.

21. *Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права. М. : Зерцало, 2000.

Статья поступила в редакцию 22.01.2015